

Михаил Черенков

доктор философских наук, вице-президент фонда
«Духовное Возрождение», ректор Донецкого
христианского университета

ГРЯДУЩАЯ РЕФОРМАЦИЯ КАК ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЕВАНГЕЛИЮ И СОБОРНОСТИ

Реформация как обновление Церкви — не только возможность, но и необходимость, связанная с природой Церкви, предполагающей, обязывающей к постоянному обновлению.

Говорить нужно не столько о реформации конфессий, сколько о Реформации как радикальном возврате к общим истокам, к духу Евангелия. Вот почему стоит расторгнуть привычное и упрощающее сочетание протестантизма и Реформации и подумать не только о «европейской» или «протестантской» Реформации (стоит подумать и о «протестантизме без Реформации», как это предлагает сделать Дмитрий Бинцаровский), но о Реформации *евангельской*.

Нужно помыслить, каким должно быть христианство сегодняшнее и завтрашнее в свете требований Евангелия; каким может быть мир и каким станет христианство, если евангельская Реформация случится. И затем в зависимости от размышлений осмыслить ее *практическую*

возможность и проверить ее объективную необходимость в контексте современной жизни.

Мысля возможность Реформации, мы не должны путать ее идею и ее историческое исполнение. В исторической Реформации после высоких и прекрасных тезисов следовала ужасная братоубийственная война, после призыва римской курии — произвол самопровозглашенных пророков, после тирании католиков — тирания протестантов. В идее Реформации всего этого не было, быть не могло, быть не должно.

Идея Реформации должна быть продумана заново, лишь отчасти соотносясь с историческим опытом. Свежие книги, вдохновляют нас на такое переосмысление: переводы Ганса Кюнга — «Церковь» и «Христианский вызов», Джеймса Смита «Церковь и постмодернизм», Антона Хаутепена «Бог: открытый вопрос. Богословские перспективы современной культуры». В первую же очередь, нужно спросить, к какой Реформации побуждает современную Церковь само Евангелие, его дух, его природа.

Конечно, мы не встречаем в Евангелии Церкви как оформившейся религиозной общины, но можем найти то, что ее предвещает, ее условия, ее предназначение, замысел ее Основателя. Христос был Учителем в кругу Своих последователей, кругу дружеском и тесном. Община учеников, служащих своему Учителю и провозглашавших наступающее Божье Царство, стала той основой, из которой должна была родиться вселенская Церковь.

В процессе своего оформления в отдельный общественный институт Церковь утратила многие изначальные черты. Вспомнить о них и вернуть их в церковную жизнь — одна из задач Реформации.

Что можно увидеть в евангельской общине Христа, чего мы больше не встречаем в истории Церкви, что тревожит современную Церковь как забытая истина или непоправимая потеря?

Во-первых, беспокоит общинная жизнь, ее дух, ценности, принципы, точнее, отсутствие всего этого. Забыто и утрачено чувство причастности общему делу, общему дому, своей общине и всему обществу. Церковь вместе с цивилизацией прошла путь от родственных связей к отчужденности политических и экономических ролей. Так государство стало над обществом и совпало с «первым лицом». «Государство — это я», — мог заявить Людовик XIV, опираясь на «божественное право королей». Задолго до королей подобное возомнили епископы, спекулируя словами Киприана Карфагенского, будто «Без епископа нет Церкви». Так церковное (священно)начальство отождествило себя с Церковью и выставило остальных за порог. От общинности остались лишь слова. Если вы сомневаетесь в этом, попробуйте не согласиться с пресвитером или священником, а епископа не смейте даже тревожить, я вам этого не советую. Очень трудно узнать во всем этом идеал отношений,

описанный Христом: «Кто хочет быть первым, да будет всем слугой» (Матф. 20:25-27). Общинности нет, есть лишь ностальгия по ней или стилизация под нее.

Во-вторых, утрачена простота собственной церковной жизни и ее включенность в обычную жизнь обычных людей. Христос предупреждал желающих следовать за ним, что не обещает никакой благоустроенной жизни, не строит никакой собственной инфраструктуры (Матф. 8:20). Он не создавал замкнутую общину, живущую параллельной жизнью; не основывал особое, самодостаточное христианское общество, не пересекающееся с «большим обществом», «большой историей». Напротив, кочевая, постоянно перемещающаяся община учеников Христа оказывалась в центре проблем и трудностей народа. Болезнь и смерть, налоги и бедность, социальная несправедливость и злоупотребление властью, угнетение и свобода, бывшие предметом заботы людей, становились предметом внимания Иисуса и его учеников. Община, или, если угодно, «Церковь» Христа, жила не своей, а одной, общей с миром, судьбой, меняя ее — исцеляя, воскрешая, деля хлеб, даря надежду.

Секулярность и постсекулярность современного мира стоит приветствовать, если они разоблачают ложную идентичность Церкви и возвращают ее к собственному призванию, которого лишить не может никто и которое никому не интересно — как крест, как ноша, как труд.

Со временем Церковь настолько разрослась структурно, что создала параллельную миру, но прекрасно пользующуюся им, систему власти, включающую политику, экономику, культуру, религию. Теперь все то, что есть в мире, есть и в Церкви, только прикрытое религиозной риторикой. Вместо того, чтобы *освещать* и *осолять* мир, христиане создали свое собственное государство, Церковь превратили в свое, а не Божье, Царство на земле.

В этом смысле секуляризация может быть спасительной, она избавляет Церковь от того, что ей несвойственно, что ей не принадлежит. Так что секулярность и постсекулярность современного мира стоит приветствовать, если они разоблачают ложную идентичность Церкви и возвращают ее к собственному призванию, которого лишить не может никто и которое никому не интересно — как крест, как ноша, как труд.

Когда Церковь становится бедной, она возвращается к обычной жизни и привносит в нее то, что ранее держала в себе. Так человек, у которого отобрали за долги автомобиль, пересаживается в общий автобус

или метро. Так обанкротившийся вчерашний владелец большой усадьбы покупает скромную квартиру в многоэтажном доме или «малосемейке». Быть бедным — плохо для «руководителей» Церкви, но полезно для самой Церкви и еще более полезно для тех, кому она должна служить и с кем наконец воссоединилась.

В-третьих, забыто Писание как вызов, адресованный, в первую очередь, самой Церкви. Сегодня Библию читают как оправдание всем решениям, позициям и амбициям Церкви. Но с этой книгой стоит вести себя осторожнее, в ней говорится, что «время начаться суду с дома Божьего» (1 Петр. 4:17). А еще там говорится, что Христос уже в первом веке христианства оказался за дверью Церкви и стучит, прося отворить (Откр. 3:20). До тех пор, пока христиане будут открывать Библию с наивной и прямо-таки безбожной самоуверенностью, будто правильно понимают написанное и написанное на их стороне, Автор будет оставаться за дверью, ведь Его никто не спрашивает, зато от Его имени говорят самые абсурдные вещи.

В-четвертых, предана заповедь единства и любви, оставленная Христом как последнее, предсмертное завещание (Иоан. 13:35). Конфессиональные границы разделяют Тело Христово, причем каждая часть хочет быть целым, каждый город провозглашает себя государством, каждый отряд армией, каждый солдат генералом. Все эти конфессиональные претензии на исключительность и связанные с этим взаимные очернения, грешат не только против ближнего, но и против Христа как Единого Главы Церкви, у Которого есть не только баптисты, но и пятидесятники, не только православные, но и католики. А возможно, для Христа нет ни тех, ни других, а есть «просто христиане».

Реформация может и должна быть открытием той настоящей духовной жизни, которая отсутствует внутри конфессиональных разграничений, но открывается за их пределами.

Таким образом, в теме возможной Реформации совмещаются экклезиология, социальная и экуменическая теологии. Разговор о будущем поместных общин, о реформах нашей родной церковной традиции, неизбежно связывается с образом единой вселенской Церкви, «глобальной общины», собранием мертвых, живых и еще не рожденных; с образом мира, частью которого она призвана быть; и с образами *других* Церквей, в отношении с которыми *наша* Церковь может вновь стать частью целого, а, точнее, открыть это целое в себе, открыть Церковь в церкви.

Так тема Реформации связывается с понятием о соборности, с переосмыслением и переоткрытием Церкви как соборной. Реформация Церкви как соборной будет всеобщей, а не узко конфессиональной.

Возрождение соборности должно рассматриваться как условие и перспектива новой Реформации и расширяющегося евангельского движения.

В последние годы на религиозной карте постсоветского пространства появились новые точки активности, мало связанные с официальными конфессиональными структурами. «Евангельский Собор», движение «За здоровую Церковь», «Школа без стен», ассоциации христианских школ, профессиональные объединения христиан-медиков, журналистов, ученых, студентов, бизнесменов и проч., развивались своими собственными маршрутами, не совпадая с привычными конфессиональными делениями. Возникало много вопросов, как это связано с Церковью, было ли на то благословение церковных предстоятелей, не размывает ли это границы и устои. Вопросы остались, а движение идет. Можно сказать так: мы наблюдаем рождение новой (меж)церковной ситуации, альтернативной по отношению к традиционным церковным историям и структурам. Эта новая картина церковной жизни может быть названа экуменической, интегрированной в социальную реальность, ориентированной на будущее.

Именно экуменизм является условием активной и авторитетной позиции Церкви в обществе, а также достойного места в тревожном, но отнюдь не безнадежном будущем. Почему после неудач экуменизма в прошлом веке мы вынуждены вновь вернуться к этому слову, вновь внести его в повестку дня? Потому что у Церкви нет иного выбора, если она желает быть послушной словам Христа о единстве (Иоан. 17:21) и любви (Иоан. 13:35), а также апостольским увещаниям хранить единство духа в союзе мира (Еф. 4:3). Конечно, экуменизм должен быть осмотрительным и строиться вокруг Христа, а не церковно-политических проектов. К тому же он должен быть трезвым в оценке возможностей и перспектив, с доверием и смирением оставляя будущему то, что недостижимо здесь и сейчас (Еф. 4:13).

Без межцерковного общения и взаимодействия разделенная Церковь будет терять авторитет в глазах постхристианского общества, а повестку будущего будут формировать другие, безразличные к христианству общественные силы. Мы должны признать, что перспектив нет ни у одной из христианских конфессий, кто-то уйдет в историю, а проще говоря, умрет, быстрее, кто-то медленнее. Перспективы не у частей, а у целого. И у тех движений, которые эти части связывают, соединяют, примиряют, восстанавливая в них и из них картину целого.

Одной из ошибок экуменического движения прошлого века я вижу отсутствие идей, механизмов, опыта соборной работы в Церкви. Экуменизм

Одной из ошибок экуменического движения прошлого века я вижу отсутствие идей, механизмов, опыта соборной работы в Церкви.

был элитарным и политическим. Декларации, принимаемые в обществе руководителей церковных объединений, высоколобых теологов и тонких политиков, не оказывали влияния на уровне поместных общин, даже не проникали туда. Экуменизм сверху не был дополнен экуменизмом снизу, массовым низовым движением, распространяющимся среди общин и включающим в свою работу обычных, рядовых прихожан. Экуменические общины и встречи «просто христиан» были и остались редкостью, но их востребованность только возрастает. Сегодня для того, чтобы пережить опыт экуменической общинности, придется ехать во Францию.

Соборность — то, чего не хватало экуменизму. Соборность оживляет не только руководство Церкви, но и все тело общины, привлекая к решениям, обязывая к участию, наделяя правами и ответственностью за общее дело Церкви каждого ее члена.

Одной из форм, в которых воплощается соборность, может быть Собор — общая встреча представителей поместных Церквей, где обсуждаются назревшие вопросы богословского характера (вопросы церковного устройства, догматические, социально-богословские, культурно-богословские и проч.). Но без соборности не будет Собора. До Собора соборность уже должна быть — как качество общинной жизни, как внутренняя культура поместных Церквей.

Возрождение соборности, полноценных связей между частями и членами целого, самой атмосферы общинной жизни нужно считать условием развития, направляющим принципом и перспективой евангельского движения.

Таким образом, грядущая Реформация будет связана с возвращением к Евангелию, к его соборному (не индивидуалистическому или конфессиональному) церковному прочтению и возрождению общинной жизни в его свете.